

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

жизни творящего солнца. Величавая религиозная концепция, создавшая эти храмы V династии, снова оживает в эпоху Эль-Амарны. В той же главе о Мемфисском искусстве можно было бы более определенно указать на появляющиеся изредка в гробницах V и VI династий попытки изображений даже самих владельцев гробниц в правильном рельефном рисунке (ср., напр., Нефер-сехем-Птаху у Масперо, „История искусства Египта“, рис. № 116). Такой смелый отказ от обычного „канонического“ изображения владельца гробницы объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что одни и те же художники украшали и гробницы вельмож, и заупокойные храмы царей. Перед царем - собственником храма - гробницы гордые вельможи трактовались художником на положении слуг, и в качестве таковых они изображались с плечами, не развернутыми в плоскости. Повтому и мог художник, изображавший вельможу в заупокойном храме царя в более или менее правильном профиле, изобразить его таким же образом и в его собственной гробнице. В главе об искусстве первого Фиванского периода я считал бы более удобным, по примеру Масперо (в его „Истории искусства Египта“), упоминать Менхутотепов XI династии без нумерации, в виду спорности числа и порядка следования этих царей. Странички, посвященные искусству Аменофиса IV, очень хороши, и меня только смущает столь четкое распределение автором трех стилей Эль-Амарнского искусства по годам правления царя - еретика. Я продолжаю думать, что эти стили, соответствующие трем местным школам, — Фиванской, Мемфисской и Гермополитанской, — сосуществовали до известной степени друг с другом в течение всего царствования Эхнатона (ср. мою статью „Эрмитажная стела Харемхеба“ в Ежегоднике Госуд. Инст. Ист. Иск., т. I, стр. 107 и след.). Последнее мое замечание касается оценки автором искусства XIX династии. В таких словах его: „нельзя отрицать некоторой прелести, напр., рельефа Сетоса I из Абидоса“ (стр. 169), кажется, проглядывает несколько отрицательное отношение к искусству этой эпохи. Я думаю, что это не совсем справедливая оценка, и великое искусство царствований Сетоса I и Рамсеса II заслуживает более симпатизирующего подхода, но, конечно, de gustibus...

Все эти мои замечания и добавления касаются только мелочей, и они, не затрагивая существа книги, несколько не умаляют бесспорной ценности ее. Заключая мою небольшую рецензию, я позволяю

себе высказать надежду, что Ф. В. Баллод подарит нам скоро такой же прекрасный труд по истории искусства Саисского периода и Греко-Римской эпохи.

В. Струве.

◆ *Бузескул, В. П.* Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Часть II. Древне-греческий мир. П. 1924. 8³, стр. 182.

Вторая часть новой работы акад. Бузескула (см. „Восток“, № 4, стр. 180—181) посвящена той области — Греческому миру, — в которой он является в настоящее время одним из первых авторитетов. Его классическое „Введение“ давно стало настольной книгой у всех, занимающихся Грецией, выдержав много изданий и переводов на различные языки, что не часто выпадает на долю русских ученых работ.

Однако, вторая часть „Открытий“ представляет интерес не только для лиц, стремящихся в область Эллады. В ней найдет немало поучительного и нового материала любитель и исследователь древнего Востока. Иногда, в других комбинациях, завершающих общую картину, он встретит уже известные ему по первой части имена Вуда (стр. 15), Лепсиуса, Лейярда (стр. 29), Ренана (стр. 62); промелькнет перед ним оригинальная фигура эллиниста XV века Кириака Анконского, про посещение которым Бейрута, Дамаска, Египта как-то обыкновенно забывают (стр. 9). Роль Наполеоновской экспедиции освещена здесь не только в ее отношении к древнему или арабскому миру, но и к греческому Египту (стр. 18). Иногда в этой части даются новые детали к материалу первой, как, например, подробности о Пальмире в связи с исследованием Абаменек Лазарева (стр. 80); иногда сообщаются подробности, которые остаются до сих пор мало отмеченными, как упоминание про калмыка Федора — художника при лорде Эльджине в начале XIX в. (стр. 19), или родственные связи открывшего Трою Шлимана с Россией (стр. 39, 53).

Глава пятая об открытии и изучении греческих папирусов (стр. 81—109) имеет, можно сказать, в целом непосредственное отношение к древнему Востоку; история находок в большинстве случаев связана с почвой Египта. Значение этой главы повышается от того, что автор не забывает отметить интересные факты из сопредельных областей; так, им упоминается про находку арабского текста произведений Феофраста; о которой сообщено в 1918 году (стр. 101) или значение Восточного Факультета

в Бейруте (стр. 112). Еще более близко связана с Востоком глава седьмая, посвященная Эгейской культуре (стр. 152—181), этой „первой великой культуре в Европе“ (стр. 171). В кратких, но выпуклых чертах автор указывает на связь ее с древним Востоком вообще, ближайшие точки соприкосновения с культурой Малой Азии, Месопотамии, Сирии и Палестины (стр. 172). Осторожно он отмечает, что относительно Египта чаще можно говорить о взаимодействии, чем о прямом влиянии или заимствовании (стр. 175). Не забыто и про недавно выдвинутую роль яфетидов в образовании Средиземно-морской культуры (стр. 179). Эта глава может считаться едва ли не лучшим на русском языке изложением всех вопросов, связанных с недавно открытым Эгейским миром; вместе со всей книгой ее можно рекомендовать востоковедам, желающим выработать общий взгляд на строй древнего мира в его целом и взаимоотношения отдельных частей.

И. Кр.

◆ *Chr. Bartholomae, Zarathustra's Leben und Lehre. Akademische Rede.* (Heidelberg, 22 November 1918). Kultur und Sprache, 4. Band. Bei C. Winter, Heidelberg, 1924. Хр. Бартоломе. Жизнь и учение Заратустры. Академическая речь.

В году сильнейших политических потрясений Европы крупнейший современный иранист, секретарь Гейдельбергской Академии Наук, проф. Бартоломе темою для академической речи избрал новое освещение жизни и учения Зороастра, появление которого в свое время произвело радикальный переворот в религиозной и политической жизни древней Персии.

Личностью великих людей, повлиявших на историю своего народа, часто еще при жизни овладевает легенда. Пышно растущие предания окружают ее густой стеною, проникнуть за которую исследователю далеко не всегда удается. Обилие преданий о Зороастре чрезвычайно. Кроме местных иранских источников имеются греческие, латинские, армянские, сирийские, китайские и даже германский (Snorra Edda). Они, конечно, далеко не одинаково ценны; многие из них сами собою отпадают. Если признать за источник ассирийскую надпись, упоминающую имя мидянина Маздаку (Саргон, 713 г. до нашей эры), то они обнимают период времени более чем в два тысячелетия. Не менее поразительно, чем количество источников, их расхождение по вопросу о времени жизни Зороастра. Ряд классических писателей

дает дату 6000 л. до нашей эры; вычисления, основанные на иранской традиции, определяют, как год его смерти, 583 г. до нашей эры.

Весьма различного достоинства также местные иранские источники, т. е. тексты на древне-иранских, средне- и ново-персидском языках, покрывающие период не менее 2500 лет. Подлинно исторического в них чрезвычайно мало, так что проф. Бартоломе считает нужным ограничиться исключительно древне-иранскими источниками и в их пределах, собственно говоря, только самой древней частью Авесты — „гатами“, ритмическими проповедями, восходящими, по его мнению, к самому Зороастру. В более поздних частях даже Авесты, не говоря о литературе на средне-персидском языке, уже чувствуется многое, чуждое первоначальному рационалистическому учению с его строгим единобожием, учению, обращенному к разуму интеллигенции, скорее чем к чувству масс. Здесь уже проглядывают уступки, которые, по мнению автора, в целях успеха учения приходилось делать всемогущим в народных массах представлением старой, восходящей к арийскому периоду, веры с ее очеловеченными богами и учениями, иногда прямо противоречащими первоначальному воззрению Зороастра. Так, например, один из наиболее почитаемых богов позднейшей Авесты, древнеарийский Митра, в гатах совершенно отсутствует, культ другого божества Гаома (инд. Сома), не менее популярный в поздней Авесте, в гатах встречается вное осуждение. Что касается ахеменидских клинописных надписей, то в древнее время в надписях Дария встречается имя высшего божества Ахурамазды, имя Митры впервые упоминается в надписи Артаксеркса II (404—358), из чего автор заключает, что при дворе этот бог был признан только с того времени.

Проф. Б. в согласии с местным преданием полагает, что родину Зороастра следует искать на северо-западе Персии, действительность же его, главным образом, относится к восточным областям. Язык Авесты более или менее точных указаний о месте ее составления не дает, ясно только, что это не язык крайнего юго-запада, т. е. Персиды. Немного больше можно извлечь из содержания, хотя вообще географические сведения Авесты весьма смутны и неопределенны и даже известный список стран мира, кроме имен, мало что даст. Исключение составляет Сеистан, область пограничная с нынешним Афганистаном и отчасти входящая в него; она описывается сравнительно подробно, и с ней